

Линь Цзэ изучал колесо удачи. В этот раз шансы распределились иначе: секторов четырехзвездочного мира стало на пять меньше, зато двух-, трех- и семизвездочные миры прибавили по одному делению. Вероятность угодить в шестизвездочный мир и вовсе выросла вдвое.

Таким образом, в тройку самых вероятных вариантов входили миры второй, четвертой и третьей категорий сложности.

Линь Цзэ замер в нерешительности, не зная, радоваться ему или сетовать на судьбу: стрелка остановилась на трехзвездочном мире.

С одной стороны, это было безопаснее, чем в прошлый раз, да и срок пребывания в начальном мире составлял всего неделю. С другой — Линь Цзэ не понаслышке знал о коварстве системы плавающих звезд. Если уровень сложности вдруг подскочит, он застрянет здесь гораздо дольше, чем в четырехзвездочном мире, а риск для жизни возрастет многократно.

Линь Цзэ с мрачным видом смотрел на замершее колесо, молясь про себя, чтобы в этот раз обошлось без сюрпризов. Конечно, при повышении сложности можно было сорвать куш в виде баллов заданий, и рентабельность риска была заманчивой, но воспоминания о первом мире до сих пор лежали тяжелой тенью на его душе. Подобного опыта он предпочел бы избежать.

[Желает ли хост произвести закупки перед отправлением?]

Линь Цзэ проверил баланс: 9538 баллов. Сумма внушительная, но для миров высокого уровня — сущие копейки. Поразмыслив, он решил приберечь ресурсы и не покупать новые артефакты.

Ритуал был окончен, и Система привычно отправила его в четвертый по счету мир.

Очнулся Линь Цзэ в комнате. Судя по обстановке, это была спальня самого владельца тела. Убедившись, что перенос прошел успешно и без сбоев, Система подала голос.

[Оглашаю главное задание текущего мира: хосту необходимо выжить в течение семи дней по местному времени!]

[Награда за выполнение: 1000 баллов заданий. Штраф за провал: 1000 баллов заданий.]

Линь Цзэ в изнеможении откинулся на кровать. И дело было не только в тошнотворном пост-эффекте телепортации — тело, которое он занял, было изранено.

В отличие от Такамы Юсукэ, раны которого к моменту переноса почти зажили, нынешний владелец был лишь наскоро подлатан. Раны под бинтами поднывали, отзываясь тупой, пульсирующей болью при каждом движении.

— Система... — прохрипел Линь Цзэ, едва придя в себя. — Тебе не кажется, что «качество» тел, которые ты мне подбираешь, катится по наклонной?

[Это ваше заблуждение, хост. Выбор тела для использования всегда случаен.]

Система на редкость охотно ответила на этот праздный вопрос, на что Линь Цзэ лишь закатил глаза. Кто бы в это поверил? Уж точно не он.

Немного размявшись, Линь Цзэ заметил, что острая боль начала утихать. Вероятно, поначалу она наложила на дискомфорт от перемещения, создав иллюзию критического состояния. Убедившись, что сможет функционировать, он скомандовал:

— Система, давай информацию об этом теле.

[Предоставление данных о мире начального уровня. Хост желает потратить 100 баллов заданий?]

— Оплачиваю, — без колебаний ответил он.

Цифры на счете мгновенно сменились на 9438, и в сознание Линь Цзэ хлынул плотный поток воспоминаний. Он едва успел сесть на кровать, как его снова повалило на подушки от ментального удара. Лишь спустя приличное время он смог пошевелиться и медленно подняться.

Линь Цзэ потер виски. В этот раз объем данных оказался непривычно велик.

Владельца тела звали Накадзима Хаятэ. Ему было двадцать четыре года, и Линь Цзэ наконец-то перестал быть школьником. Впрочем, радость была недолгой: Хаятэ оказался профессиональным айдолом.

Вернее, «профессиональный» — это громко сказано. Накадзима Хаятэ успел выпустить несколько песен, которые были тепло встречены публикой, но до зенита славы ему было еще далеко. Он был всего лишь новичком, едва начавшим свой путь в шоу-бизнесе.

Однако хороший старт — залог успеха. Его голос называли уникальным: мягким, «прозрачным» и успокаивающим. Несмотря на нехватку техники, в нем видели неограниченный алмаз. Именно этот природный дар позволил Хаятэ, не имевшему никакой базы, пройти кастинг в агентство талантов.

В индустрии развлечений не боятся новичков — боятся безликости. Тебя заменят в мгновение ока, если в тебе не будет «изюминки».

Линь Цзэ невольно вздохнул: когда судьба закрывает дверь, она оставляет открытой форточку. Но жизнь Хаятэ была далека от сказки. Мать умерла, когда он был совсем маленьким, а отец вскоре привел в дом новую жену.

В этом не было ничего предосудительного — человеку нужен спутник жизни. Но любой, кто рос с мачехой, поймет, через какой ад пришлось пройти Хаятэ. Ситуация лишь ухудшилась, когда у отца родились новые дети. Статус Хаятэ в семье неуклонно падал, а отец, превратившийся в классического подкаблучника, ничем не мог ему помочь. Юноша рано ушел из дома, успев окончить лишь старшую школу.

Мачеха Хаятэ была женщиной расчетливой. Она не опускалась до рукоприкладства или лишения куска хлеба — это было бы слишком примитивно, могло испортить репутацию и вызвать недовольство мужа. Она использовала куда более изощренное оружие — холодное безразличие и психологическую изоляцию.

Она не была его матерью и не собиралась ею притворяться. Ее холодность выглядела в глазах мужа естественной: ну не сложились отношения, бывает. Нельзя же заставить ее любить чужого ребенка?

Видя, что сын сыт и одет, отец Хаятэ предпочитал не замечать остального. После школы мачеха убедила мужа, что Хаятэ недостаточно талантлив для университета, и отказала в оплате обучения. Так юношу выставили за дверь, предоставив самому себе.

Его воспитали абсолютно неприспособленным к жизни. Дома всем заправляла мачеха, Хаятэ никогда не работал, у него не было даже базовых бытовых навыков. Потеряв мать, терпя холодность мачехи и молчаливое попустительство отца, он вырос трусливым и ведомым.

Единственным его достоинством была внешность. Случайно увидев в сети объявление о наборе стажеров, Хаятэ пошел на прослушивание и... продал себя с потрохами. Буквально.

Наставники сразу оценили его типаж, а педагоги по вокалу подтвердили: данные блестящие. Агентство заключило с ним контракт, который больше напоминал кабальное рабство.

Хаятэ тренировался шесть лет. Тени прошлого было трудно стереть, но он научился носить маску. Для айдола фасад — это всё. Никого не волнует твоя истинная натура, пока ты умеешь играть роль, прописанную продюсерами.

Вспоминая детали контракта, Линь Цзэ был готов в ярости разгрызть ручку: как можно было быть таким идиотом, чтобы подписать это добровольно?

Из-за этого дурацкого договора Линь Цзэ теперь не мог ни «свалить», ни спрятаться. Даже эта квартира принадлежала компании. У менеджера и руководства были дубликаты ключей — у Хаятэ практически не осталось личного пространства. В его дом могли войти в любую минуту.

— Щелк!

Вот оно. Легко на помине.

Линь Цзэ с досадой услышал, как поворачивается ключ в замке. Память Хаятэ подсказала: это Нисимото Соноко, его менеджер.

Соноко, чеканя шаг красными шпильками, вошла в квартиру. Она коротко постучала в дверь спальни, приказывая ему выйти в гостиную.

Когда Линь Цзэ вышел, перед ним предстала эффектная картина. Огненно-красная красавица вальяжно раскинулась в мягком кресле, закинув ногу на ногу. Глубокий изгиб спинки подчеркивал ее фигуру, а разрез юбки соблазнительно приоткрывал бедра. Соноко явно не видела в Хаятэ угрозы, да и вообще не воспринимала его как мужчину.

Впрочем, Линь Цзэ ее понимал. Учитывая характер Хаятэ, трудно было представить, что он посмеет хотя бы взглянуть лишний раз, не то что совершить какой-то поступок. Скорее уж его самого кто-нибудь «употребит».

От этой мысли Линь Цзэ стало совсем тоскливо. Ведь теперь «он» и был этим Хаятэ.

— Вышел наконец? — Соноко равнодушно мазнула по нему взглядом и снова уткнулась в отчеты, стараясь не терять ни секунды в погоне за новостями шоу-бизнеса. — А я думала, ты так и просидишь под одеялом до вечера.

— Сестра Нисимото... — Линь Цзэ замялся, стараясь подражать интонациям Хаятэ. — Те люди... зачем они напали на меня?

Возможно, его игра была не идеальной, но натура Хаятэ была слишком сложной и надломленной, чтобы его заподозрили в подмене.

Муштра в агентстве постоянно конфликтовала с его истинным характером. Это породило некое подобие раздвоения личности: иногда он был прежним, трусливым и замкнутым «собой», а иногда — сияющим, солнечным идеалом, которого требовала компания. С началом карьеры грани между этими образами стерлись окончательно, и Хаятэ часто «сбоил».

Нисимото Соноко, как он и ожидал, ничего не заподозрила. Она лишь на мгновение удивленно посмотрела на него, но тут же вернулась к своей обычной ледяной манере.

— Расследование завершено, — отрезала она. — Компания во всем разберется. От тебя требуется только одно: сосредоточиться на работе. Завтра запись в студии звукозаписи. Ты готов?

<http://bllate.org/book/17572/1720941>